КАК АМЕРИКАНЦАМ «ПОЧИНИТЬ» БЛИЖНИЙ ВОСТОК

Blind Spot: America's Response to Radicalism in the Middle East / ed. by Nicholas Burns and Jonathon Price. The Aspen Strategy Group. 2015. 216 p.

«Слепая зона»: американский ответ на ближневосточный радикализм. / Отв. ред. Н. Бернс и Дж. Прайс. Аспенская стратегическая группа. 2015. 216 с.

Согласно результатам опроса, проведенного в конце 2000-х годов Фондом Карнеги, только 8% американских политологов из числа университетских исследователей и экспертов «мозговых» центров считали, что через 20 лет Ближний Восток и Северная Африка будут иметь приоритетное значение в системе внешнеполитических интересов США. Им вторили лишь 6% опрошенных политиков и дипломатов. Большинство (72% и 84% соответственно) были убеждены, что пространством приложения усилий США в XXI веке будет Юго-Восточная Азия. Однако те вызовы, с которыми Соединенным Штатам пришлось столкнуться в ближневосточном регионе, включая масштабную дезинтеграцию государств, рост числа экстремистских группировок и радикальных идей, заставили многих представителей американского истеблишмента задуматься, разумно ли уходить с Ближнего Востока.

Для ответа на этот вопрос Аспенская стратегическая группа собрала коллектив исследователей под руководством патриархов американской внешнеполитической мысли — Дж. Ная-мл. и Б. Скоукрофта. Среди участников проекта — исследовате-

ли Принстонского университета и аналитики Института Брукинса, Совета по международным делам и Центра за новую американскую безопасность. Сама Аспенская стратегическая группа, созданная на базе одноименного института, представляет собой форум экспертов из числа бывших и действующих дипломатов, политиков, госслужащих, журналистов и исследователей, консультирующих правительственные структуры США по вопросам национальной безопасности. Материалы этой группы — не просто экспертная аналитика. Последней в американской столице предостаточно. Элитарность членства в Аспенской стратегической группе и (небезосновательная) претензия на доступ к эксклюзивному инсайду ее членов делают каждый ее исследовательский продукт предметом пристального анализа всего американского экспертного сообщества. Рекомендации группы нередко находят отражение в директивах администрации президента, как было, к примеру, с предложениями по развитию американо-индийских¹ и американо-китайских² отношений, подготовленных для Белого дома и Государственного департамента.

¹ George Perkovich. Toward Realistic US-India Relations / CEIP, October 25, 2016: http://carnegieendowment.org/files/realistic_us_india_relations.pdf

² Michael Swaine, Wenyan Deng, Aube Rey Lescure. Creating a Stable Asia: An Agenda for a U.S.-China Balance of Power // CEIP, October, 2016: http://carnegieendowment.org/files/CEIP_Swaine_U.S.-Asia_Final.pdf

В этой связи исследование группы, посвященное поиску оптимальной региональной стратегии США на Ближнем Востоке, может быть интересно как исследователям американской внешней политики и специалистам-ближневосточникам, так и практикам борьбы с терроризмом и радикальными группировками.

Как свидетельствуют результаты опроса, проведенного в 2011 г. изданием *Foreign Policy*, большая часть внешнеполитического истеблишмента Соединенных Штатов с энтузиазмом восприняла социально-политические выступления на Ближнем Востоке и в Северной Африке, ознаменовавшие начало десятилетия. Отвечая на вопрос «С точки зрения американских интересов, как вы оцениваете перемены, вызванные Арабской весной?», 42% респондентов из числа политологов, дипломатов и политиков охарактеризовали происходящие трансформации как «позитивные». Еще 25% посчитали, что говорить о характере этих изменений преждевременно, в то время как 11% выразили уверенность, что принципиальных сдвигов в отношениях между США и руководством арабских стран не произойдет. О возможных негативных последствиях этих трансформаций для американской политики в регионе высказались лишь 13% респондентов [Сучков 2015]³.

Очевидно, что достаточно оптимистичный прогноз по большей части не подтвердился. Обращаясь к последствиям протестов, авторы исследования Аспенской стратегической группы сосредоточивают внимание на опыте Туниса и Египта. Но события в Тунисе стали, скорее, исключением. Подробно рассматривавшая вопросы становления «новых элит» стран Арабской весны группа российских востоковедов справедливо отмечает в своей работе, что в Тунисе Соединенным Штатам удалось нивелировать негативные политические последствия и в относительно короткий срок развернуть посредническую миссию с опо-

рой как на международные институты, так и на проамерикански настроенную светскую оппозицию и армейскую верхушку. Заочно российские специалисты полемизируют и с выводами американских коллег по Ливии и Сирии, где, по мнению ответственных востоковедов, «правящие группы отказались уйти в отставку в качестве предварительного условия налаживания общенационального диалога, что изменило логику внутреннего конфликта в этих странах». В итоге функции внешних игроков — в частности, США, Саудовской Аравии и Катара — претерпели серьезные изменения: из посредников, как это было в Тунисе, Египте и Йемене, они превратились в участников конфликта, встав на сторону оппозиции. В Ливии это «сотрудничество» было оформлено в виде партнерства НАТО с арабскими монархиями Персидского залива, а в случае с Сирией — в формате «стран-друзей сирийского народа» [Россия и «новые элиты»... 2013]. Спустя еще несколько лет аналогичные перемены в функциях и ролях внешних игроков произошли в Йемене и Египте.

Экспертно-политическое сообщество еще на ранних этапах уловило опасность трансформации региона по «ливийскому» сценарию. Если применение силы против режима М. Каддафи получило поддержку у 60% американских политиков и экспертов, опрошенных журналом *Foreign Policy*, то перспектива военного вмешательства США в Сирии и Йемене получила одобрение лишь 21% и 16% респондентов соответственно. 79% и 84% участников опроса выступили против вмешательства⁴.

Подобная осмотрительность оказалась запоздалой: в регионе к тому времени становилось все больше не только серых зон небезопасности, но и движущих сил радикализации народных масс. По мнению членов Аспенской группы, корни растущего экстремизма крылись в межплеменных противоречиях, соперничестве региональ-

³ The Ivory Tower Survey // *Foreign Policy*, — January 3, 2012 <http://foreignpolicy.com/2012/01/03/the-ivory-tower-survey/>

⁴ The Ivory Tower Survey // *Foreign Policy*, — January 3, 2012 <http://foreignpolicy.com/2012/01/03/the-ivory-tower-survey/>

ных держав и противоборстве между сунни-тами и шиитами. Последнее авторы считают «самым значимым политическим фактором, определяющим динамику современного Ближнего Востока» и «источником исламистского терроризма и экстремизма». Именно три этих процесса, с точки зрения американских исследователей, способствовали возникновению террористической группировки «Исламское государство Ирака и Леванта» (ИГИЛ). При этом авторы показывают, что вторжение Соединенных Штатов в Ирак в 2003 г. не только не спровоцировало его появление, но, напротив, стало первым этапом борьбы с ним.

Эксперты отдельно останавливаются на разнице в стратегиях ИГИЛ и «Аль-Каиды». Расчет Усамы бен Ладена был прост: «если заставить американцев уйти с Ближнего Востока, режимы их сателлитов-марионеток рухнут». Логика ИГИЛ представляется Аспенским стратегам иной. Авторы задаются вопросом о том, почему все теракты, вдохновленные ИГИЛ, но совершенные гражданами западных стран, были «столь немногочисленны и так неэффективны»? Хотя они и рассматривают угрозу ИГИЛ как транснациональную, их оценка деструктивного потенциала этой организации и урона, который она способна нанести европейской безопасности, оставалась достаточно скептической.

С учетом этих оценок в книге рассматривается предпочтительный инструментарий американской стратегии для борьбы с «Исламским государством». Авторы с недоверием относятся к установке президента Б. Обамы на «ослабление и, в конечном счете, уничтожение ИГИЛ». В этой формуле реалистично выполнение лишь первой части, тогда как реализация второй требует полномасштабного военного вторжения — лишь в этом случае возможно нанесение всеобъемлющего поражения организации. Пока же, по мнению экспертов, следует быть готовым к тому, что победить ИГИЛ нельзя. Группировку можно только сдерживать.

Важным наблюдением доклада стала констатация, что со времени терактов

11 сентября 2001 г. мир имеет дело с усиливающейся и все более адаптивной формой терроризма. Авторы отмечают, что ИГИЛ остается первой террористической организацией, действующей не только в физическом, но и в цифровом пространстве. Более того, они прогнозируют, что следующая крупная террористическая организация, которая придет на смену «Исламскому государству», вероятнее всего, будет активнее орудовать в киберпространстве, чем заниматься территориальным приращением (с. 127–136).

Значительный интерес в работе представляет раздел, посвященный путям сдерживания Соединенными Штатами угрозы радикального терроризма на Ближнем Востоке. Большинство предлагаемых решений основано на предположении о необходимости сокращать американские военные расходы и снижать роль военной силы в структуре внешней политики. Наиболее разумной альтернативой стратегам Аспенской группы видится предоставление финансовой и военной помощи ключевым союзникам США в регионе. Иначе говоря, авторы считают систему военных союзов наиболее эффективным средством минимизации существующих и потенциальных угроз для национальной безопасности США. Они убеждены, что эти вызовы угрожают безопасности и самих арабских государств. Следовательно, в их же интересах принимать американскую помощь для противодействия этим угрозам. В дополнение к основной стратегии группа предложила концепцию «восьми петель» (*eight hinges*), определяющих успех «контр-игиловской» политики. Некоторые из них напрямую связаны с пониманием природы угрозы экстремистской организации, другие — с геополитикой, третьи — с приоритетами американской внешней политики. Корректная оценка выделяемых факторов необходима для выбора «наименее болезненной стратегии борьбы с ИГИЛ».

Авторы-неоконсерваторы не смогли обойти критикой политику президента Б. Обамы. Обвиняя его в нерешительности при осуществлении наступательной поли-

тики на позиции ИГИЛ, они указывают на то, что ошибки демократической администрации должны служить предупреждением новому американскому лидеру.

Примечателен выдвинутый в последней главе книги тезис о том, что для американской безопасности вызов насильственного экстремизма содержит элемент преемственности и оказывается созвучен борьбе с нацистской Германией, а также с радикальным исламом и экстремистскими буддистскими течениями в Юго-Восточной Азии. Непредвзятых наблюдателей подобные формулировки могут насторожить: не станет ли такая аналогия поводом для существенного расширения американского военного присутствия в регионе?

Ситуация, в которой оказались сегодня Соединенные Штаты, не носит столь катастрофический характер, как это принято представлять в российских СМИ. Тем не менее Вашингтон утратил недавнее влияние на Ближнем и Среднем Востоке и уже не способен в одиночку управлять теми процессами, которым различные американские институты на более раннем этапе содействовали. В результате уровень доверия региональных союзников по отношению к администрации Б. Обамы и их уверенность в способности США обеспечить защиту снизился до такого уровня, что в глазах многих правительств региона Америка больше не воспринимается в качестве единственного и самого влиятельного внешнего игрока.

Взросшая в последние годы в свете сирийского кризиса роль России, а также экономический потенциал Китая с его способностью и желанием инвестировать в различные проекты на фоне экономической турбулентности делают Москву и — пока в меньшей степени Пекин — значимыми внерегиональными партнерами. Разумеется, политика Пекина и Москвы зачастую оценивается критически, но сам факт наращивания присутствия одной державой и возвращения в регион другой выступают дополнительными свидетельствами вакуума американского влияния в 2010-х годах.

Часть американской элиты категорически отказывается признавать это как новую реальность. Другая — воспринимает ее как проблему, ориентируя руководство страны на «возвращение» Ближнего и Среднего Востока Америке. Среди восемнадцати авторов работы есть представители обеих групп. Вот почему книга будет полезна российскому читателю для понимания содержания и основных направлений интеллектуальной дискуссии в Вашингтоне по вопросам развития ближневосточного региона и американской внешней политики. Представленные в ней подходы наглядно демонстрируют истоки доминирующих в США нарративов, несущих в себе как элементы стратегического видения, так и серьезные заблуждения.

Максим Сучков
кандидат политических наук

Список литературы

- Сучков М.А. Влияние ИГИЛ на российский Северный Кавказ // Ислам на Ближнем и Среднем Востоке. 2015. № 9. С. 479–484.
Россия и «новые элиты» стран «арабской весны»: возможности и перспективы взаимодействия // Рабочая тетрадь РСМД. М.: 2013. — 43 с.

References

- Suchkov M. (2015). Vlianie IGIL na rossijskij Severnij Kavkaz [ISIS Influence in the Russian North Caucasus] // *Islam na Bliznem i Srednem Vostoke*. № 9. P. 479–484.
Rossija i «noviie eliti» stran «arabskoi vesni» [Russia and the «New Elites» of the Arab Spring: Opportunities and Prospects] / Otv. red. I. Shumilin. M.: RIAC. 2013. 43 p.